

Каким мне запомнился Северо-Енисейский

С.А.Жуков

I

Северо-Енисейский я впервые увидел в феврале 1961 года. Мне было 4 с половиной года, семья прилетела на Ли-2 из Красноярска и вывалилась в мороз, на заснеженное летное поле, которое позже стало стадионом. Я был закутан как кулек, но мороз тут же стал щипать мои щеки. Как же много снега кругом! После казахстанской степи это было непривычно...

Мы поселились в однокомнатной квартирке в бараке, расположенном в Сухом Логу. Вход был с улицы, без сеней, прямо в кухонку с печкой, а из нее – в комнату. Входящий приносил с собой туманные клубы холода. Первое время я даже спал на полу, потому что не было детской кроватки. Меня водили в детский сад, который стоял неподалеку, чуть выше по распадку. Там нас поили рыбьим жиром из большой ложки. А когда я простывал, мама отпаивала меня бараньим жиром, растопленном в горячем молоке. Этот неповторимый сладковато-жирный вкус помню до сих пор.

Детский садик, где рос я, упрятан давно в мое детство:

Неприметный таежный поселок, бревенчатый дом,

Треск поленьев в печи, рыбий жир, лай собак по соседству,

Строй горшков у стены и могучие кедры кругом.

Мне запомнилась тьма по утрам и сибирская стужа,

И закутанный в мамину шаль колобок-пешеход...

В домашнем архиве сохранились фотографии той поры. Я с мамой в костюме зайчика, с бумажной рыбой, наполненной конфетами. Мы, мальчики, в шароварах и майках, девочки в простеньких платьицах, изображаем несложные гимнастические фигуры. Родители, счастливые и молодые, рядом чумазые от шоколада детские рожицы. Имена из раннего детства – Федька Таданов, Валерка Куцанкин, Борька Генералов.

Наступившее лето знакомило меня с северной природой. Мы с детишками бегали по траве, усеянной сладкой «кашкой» и маленькими желтыми цветами. В тайге цвели жарки. Высоко в небе проплывали на Север птичьи клины. Однажды родители собрались по грибы, они встали очень рано утром, тихо собрались и ушли. Я, пятилетний малец, тайком увязался за ними и был обнаружен уже в лесу. Пришлось родителям взять меня с собой. Не пожалели, потому что грибы я обнаруживал шустрее, наверное, из-за малого роста. А однажды, движимый любознательностью, я ушел в другую часть поселка, вызвав

общий переполох. В то время я твердо знал, что доживу до ста лет, и, значит, жить мне осталось всего 95...

В 1963 году мы переехали в трехкомнатную квартиру на улице Шевченко. Эти двухквартирные коттеджи из бруса живы до сих пор. У дома был участок, который был разгорожен под палисадник, огород и хозяйственную территорию – сарай, поленницы, деревянный туалет. За задним забором располагалась большая территория пилорамы.

Рожать брата Игоря мама поехала в Джезказган, где жила ее мама Евдокия Кузьминична. Он родился в мае 1963 года. Мы вернулись в Северо-Енисейский уже вчетвером. Осенью я пошел в школу в Сухом Логу. Это было одноэтажное просторное бревенчатое здание, позже сгоревшее. Моей первой учительницей была Мария Афанасьевна Филиппова (Зайцева). Она была высокой, красивой и доброй. Но однажды вкатила мне тройку за какое-то сочинение, а мальчику, списавшему у меня, поставила пять. Было обидно, но она объяснила, как отрезала: «Ты можешь писать лучше!». Весной и осенью мы всем классом, вместе с учительницей, ходили в походы в тайгу. Разводили костер и варили суп из рыбных консервов.

Все жили простой жизнью. Быт был трудовой, далекий от комфорта. За ночь дом выстуживало. Мама вставала раньше, растапливала печь. Когда становилось тепло, вставали и мы с маленьким братом.

Как вставать каждый раз
Тяжело бывало!
Поцелуями нас
Мама поднимала...

Бревна привозили на машине, сваливали на улице около дома, распиливали бензопилой «Дружба», закатывали во двор. С малого возраста меня приучили к колке дров. Однажды, уже старшеклассником, я чуть не выбил себе глаз. Мама протянула во дворе бельевую веревку, я не увидел, взял колун небрежно, одной рукой, размахнулся, опустил... он налетел на веревку, упруго отскочил и оставил отметину под глазом.

Поленницы складывали во дворе под навесом, а что не входило под навес – под открытым небом. Потом, зимой, подкапываешься под сугроб, извлекаешь поленья, а снег нет-нет, да и обрушится!.. Чистку снега я люблю до сих пор.

Воду носили с водокачки, наливали бочку в сенях. Утром, чтобы принести воды в дом, надо было разбить ледяную корку. Умывались и снегом – для бодрости.

А отец приносил
Таз с пушистым снегом.
«Ну, сыны, - говорил, -

Налетай с разбега!»

Плита при топке печи раскалялась докрасна. Однажды, в исследовательских целях, я поставил на остывающую плиту небольшой аквариум из плексиглаза. Результат был плачевным: пластмасса оплавилась, рыбки сварились...

Стирка, готовка, уборка, помывка детей... В доме влажность, на оконных стеклах намерзает лед. Однажды я ночевал у соседей, где меньше заботились о гигиене. Кислый, спертый воздух, духота, запах пищи, детской мочи не давали мне уснуть.

II

Пятый класс я встретил в Кисловодске, куда мы отправились с отдыхать. Под оконными карнизами школы, где пришлось три недели учиться, жили летучие мыши. В школу я ходил через парк, где на цепи содержался молодой медведь, пойманный где-то в горах. Я кормил его алычой, а однажды, забравшись на дерево, наелся зеленых ягод... голова закружилась, и свалился с дерева. Запомнились бесконечные стаканы сульфатной и доломитной вод, книжный магазин, где по средам можно было выменять или купить марки у филателистов, тир и запахи юга.

Я пришел в 5 «А» класс в конце сентября, когда все уже успели передружиться. Некоторое время пребывал в статусе новичка, что еще более усилило чувство тоски, знакомое каждому маленькому сибиряку по возвращении с Большой земли. Но были и те, кто попал в класс еще позже. Где-то в ноябре на уроке появилась ладненькая девочка с тугими косичками и полными румяными щечками. Ее звали Лена Мартышкина. На перемене кто-то из ребят, кажется, дернул новенькую за косичку, она, прыгая по партам, догнала обидчика и дала ему сдачи. Я понял, что пропал...

Лена была моя первая – и платоническая любовь. Мы ходили по поселку, держась за руки, сидели в компании ребят на горе бревен, которые ждали очереди на распилку под дрова. Лена многим нравилась, ребята даже дрались со мной из-за нее. Вдвоем с нею мы стеснялись оставаться, поэтому звали ее подружку – Наташку Булыгину. Слушали песни Владимира Высоцкого, записанные на бабинах магнитофонной ленты. Он в те годы был уже всенародно популярен, Самиздат вовсю работал, копировал записи... Мы дружили с Леной четыре года, а потом любовь тихо и незаметно улетела от нас. У меня где-то затерялся рассказ, который так и называется – «Первая любовь».

По улице Шевченко у меня были дружки – Сережа Мальцев, сын Геннадия Ивановича, и Колька Валуев. У Мальцевых мы часами резались в настольный теннис, поставленный во дворе, а порой занимались не столь безобидными делами. Например, засыпали дымный охотничий порох в шарики для настольного тенниса, вставляли кусочек

бикфордова шнура, и весело нам было смотреть, как в темноте сибирского вечера огненная спираль бикфордова шнура летела кому-то под ноги. Раздавалась яркая вспышка, и бывало, что человек от неожиданности ронял коромысло, на котором были ведра с водой (носить воду приходилось от водокачки), а мы разбегались кто куда. Однажды смастерили бомбу побольше из пластмассовой игрушки и подбросили соседям в сени. Двери с грохотом раскрылась, повалил дым, с крючков попадали санки, утварь, ванны... Впрочем, к этому занятию мы быстро потеряли к нему интерес, скорее всего оттого, что отцы-охотники взяли под контроль запасы домашнего пороха.

Под воздействием уроков химии, даваемых Надеждой Петровной Погодаевой, мы начали делать гремучий газ – смесь кислорода с водородом, и приспособились делать что-то вроде газовой пушки. Гремучей смесью заполняли бутылку из-под шампанского, затыкали ее резиновой лабораторной пробкой, которая предварительно была просверлена, и в отверстие был вставлен опять-таки короткий отрезок бикфордова шнура. Бутылка плотно пеленалась тряпкой во избежание разрыва и крепилась к самодельному лафету, выполненному из расколотой пополам чурки. Лафет позволял вести прицельную стрельбу, а дальнобойность «пушки», заряженной резиновой пробкой, была шагов двадцать. Однажды, хоть и стыдно в этом признаваться, мы произвели выстрел по окнам квартиры директора школы, Михаила Дмитриевича Гоева, расположенной на первом этаже нашей двухэтажной школы, но, кажется, стекла уцелели.

Стреляли и из более серьезного оружия, я имею в виду нарезную винтовку ТОЗ-9, а также охотничьи ружья, но это уже в лесу и с отцами. Папа часто брал меня с собою в тайгу, особенно когда в 1966 году у нас появилась «Волга» ГАЗ-21 (невиданная роскошь по тем временам!). Однажды я подстрелил филинёнка, мы принесли его домой живым. У птенца было повреждено крыло и бок, он прожил дня два и умер. Его смерть меня потрясла, и я не помню, чтобы позже охотился на птицу, хотя блюда из глухаря, тетерева и рябчика нередко появлялись на нашем столе, что, конечно, было обычным делом для Северо-Енисейского. Тем не менее, я постоянно упражнялся в стрельбе по банкам и бутылкам, и меткость, характерная для сибиряка, у меня осталась.

Заядлым охотником и рыбаком я не стал, возможно, из-за мамы не хотела отпускать меня в тайгу с ночевкой, но скорее потому, что рос я мальчиком книжным, более домашним, чем многие из моих сверстников. Все же походы случались. С папой и другими отцами мы, мальчики лет 11-12-ти, ездили на наши быстрые северные реки, оставляли машину где-то у дороги, брали деревянную лодку и волокли ее вверх по течению, словно бурлаки. К носу лодки привязывалась бечева, на которую крепились поперечные палочки. Посудина была нагружена рыбацким скарбом и тяжела для пацанов,

но мы терпеливо тянули от привала до привала. Позади шел взрослый и шестом отталкивал лодку от берега, чтобы она не села на мель. На заимке (конечная цель маршрута) было жарко и душно натоплено. Запомнилась ночная рыбалка с помощью наплавной сети, сон у костра, в который в полусне залезаешь головой, спасаясь от вездесущей мошкары, ловля хариуса на кораблик, когда рыбы так много, что она набрасывается одновременно на два или три крючка... На боку висит березовый туесок, а в нем бьется хариус, благородная, сильная и чистая рыба, постепенно засыпая. А вечером у костра — пиршество из ухи, тушеного хариуса в большой сковороде – спинка к спинке! или поедание почти сырой рыбы, лишь недавно выпотрошенной и просоленной по брюшку. Иногда попадался ленок, а взрослые рассказывали о редких победах над тайменем.

А что было за событие, когда отец пригнал по зимнику персональный автомобиль! Он просто светился! Во дворе был построен гараж, что уменьшило размеры огорода сразу вдвое. Из гаража надо было выезжать задом, некоторое расстояние двигаться по двору и лишь затем – на улицу. Когда, после первых уроков вождения, отец доверил мне выехать из двора, я тут же дал косо и снес часть штакетника. Мама начинала не лучше: по дороге на разрезы (в направлении Теи) она умудрилась загнать машину в кювет. Мама ходила заниматься на автокурсы. Я, шестиклассник, ходил с нею и, помню, отвечал на вопросы преподавателя быстрее взрослых. Легко угадать, у кого из нас в итоге сложилась автолюбительская судьба...

Однажды отец взял меня в дальнюю поездку – в Пит-Городок. Большой Пит – серьезная река, приток Енисея. Я наблюдал, как вверх и вниз по воде снуют лодки на моторах, «Ветерках» или «Вихрях». Опытные лодочники шли сразу на двух «Вихрях». От совокупной тяги и веса двигателей нос лодки высоко поднимался над водой. Мне доверили старенький «Ветерок». Мотор периодически глох, приходилось снова и снова дергать стартер, а потом срезало штифт на винте, и я остался посреди быстрой реки в затихшей лодке без весла. Кое как рукой выгреб на мель, а там вытащил лодку на берег...

Машина была важным фактором в жизни семьи. Каждое воскресенье летом, а порою и зимой, мы выезжали на пикник в тайгу. С нами ездили друзья, как правило, семья Надькиных. Наши мамы расстилали стол на траве, мы дурачились или купались. Ездили за грибами, ягодой или черемшой, порою пробираясь по дорогам, уже полузросшим молодым подлеском. Брусника, голубика, красная смородина, жимолость... нет, я не любил заготовку ягод. То ли дело грибы! Даже их переработка доставляла мне удовольствие, особенно, подготовка к сушке. А какова была жареха, грибы с картошкой и луком! Зато зимой славно было выйти в сени, наскрести ковшиком смерзшейся брусники,

твердой, как крупная дробь, и потом засыпать ее в чай или дать отмерзнуть и отстояться и потом пить ее сок, густой и красный, словно кровь...

Взрослые жили дружно, часто ходили друг к другу в гости, а, поев и выпив за столом, начинали петь песни. Мы, став сами взрослыми, живя в больших городах, почти разучились петь. Все чаще ходим в кафе и рестораны. Иной раз только, соберешься с сибиряками, и льется песня за столом...

Своих автомобилей в поселке было немного, все больше мотоциклы да лодочные моторы. Мужчины поголовно были умелыми механиками, потому что автосервисов не было. Я часто видел папу измазанного маслом, лежащего под автомобилем. Он старался привлечь и меня к авторемонту, но я больше тянулся к книгам. Хотя гаражный навык – штука полезная для космонавта...

Отцу, горному инженеру, доставалось много технической, ремонтной работы. Я хорошо помню его подразделение КИП и автоматики на шахте. В моей памяти вьюжный зимний вечер, сопка поселком, мужики жгут солярку для согрева и монтируют на морозе трансформатор. Руководит работами отец. Были нередки звонки по ночам, если что-то случилось на шахте. Папа быстро собирался и уходил на работу.

Под землей нередко случались аварии, гибли люди. Однажды в ствол шахты сбрасывали бревна для укрепления забоя, рабочие внизу их оттаскивали на горизонт. Произошла несогласованность, и дядю Ваню Надькина убило бревном. Он лежал в гробу, изуродованный страшным ударом, его вдова, враз постаревшая, смотрела как каменная, и только после того, как по гробу ударили горсти земли, осела и зарыдала.

Мы, мальчишки, имели свои задачи, ремонты и опасности. На великах устраивали рыцарские турниры, съезжаясь с деревянными копьями и стараясь выбить друг друга из седла. Колеса велосипедов после столкновений принимали форму восьмерки. Носились по стройке и бились на деревянных мечах. Прыгали на лыжах и санках с самодельных трамплинов, порой довольно высоких. Шрамы на ногах – память о тех полетах. Лазали по высоким деревьям, особенно любили гибкие березы, они позволяли нам парашютировать вниз, держась за вершину, при этом дерево упруго сгибалось под тяжестью тела... Однажды собралась большая сходка на горе, что у старой столовой, там, где сейчас монумент героям, погибшим в Великой Отечественной войне. Две группы парней боролись, стараясь столкнуть противников с верхушки холма. Распалившись, разобрали ближнюю изгородь огорода. На мою голову опустилась тяжелая оглобля. Вдруг стало тихо, зазвучала музыка... Очнулся я не сразу... Поскольку это была не единственная травма в той стихийно возникшей битве, в школе была линейка с «разбором полетов», который вел лично директор... А однажды в пруду (или запруде), что у квартала Донского,

утонул мальчуган. Он нырнул с берега, а вынырнул в перевернутую бочку, плававшую вверх дном...

Как-то в поселке пропал человек, предположительно замерз на объездной дороге. Подняли всю школу, мы шли по склону горы цепью, на расстоянии вытянутой руки друг от друга, прощупывая глубокий снег палками. На труп замерзшего наткнулись ребята из соседнего класса. Видимо, человек был пьян, сбился с утоптанного пути и погиб.

Детство было наполнено отголосками прошлых лет. Мы играли в развалинах низких каменных домиков, а взрослые говорили, что здесь была зона... Дружили с корейцами, коих было много - детьми интернированных в годы Отечественной войны. Они были замечательными кулинарами, отменно делали красную от перца капусту и кровяную колбасу. Шастали в теплицу к дяде Ване-китайцу, ассенизатору и первому в поселке огороднику. Ездил себе на телеге с бочкой, в которой бултыхалась отвратительная жидкость, источавшая зловоние. Зато раньше всех приносил на маленький базар свежий лук, редис, а затем помидоры и огурцы. А говорят, был в войну полковником, и неспроста занесло его в Сибирь. Когда я вырос и стал встречаться с одноклассниками, узнал, что не все по своей воле оказались в красноярской тайге — у кого деда этапировали еще в царские времена, чей-то папа из Литвы был сослан «за пособничество»...

Ш

Поселок формой напоминал гантелю. Узкая часть посередине – район шахты «Советская». Вдоль дороги шел деревянный тротуар, по которому пешеходы с улицы Донского, Шевченко или Сухого Лога шли с сторону дома культуры «Металлург», рудоуправления. Детям нравилось пользоваться эстакадой, прячась в ниши, когда мимо проезжали вагонетки с породой. Здесь было не так холодно. По эстакаде мы бегали в столовую. Я обожал там котлеты, замешанные на хлебе. Мне казались они много вкуснее маминых, стопроцентно мясных...

От дома культуры, если повернуть поперек оси гантели, дорога вела к дому моей первой любви, Лены, и далее, к стадиону и аэропорту. Летом вокруг стадионного поля цвели северные цветы. Тут на футбольный матч собирались болельщики, что-то ели и пили, разостлав пикник на земле. Здесь же школьники сдавали нормативы ГТО.

По другую сторону от эстакады была поселковая баня. Мальчишками мы неоднократно бегали к ее стороне, обращенной к холму и приникали к запотевшим или заиндеветшим окнам женского отделения. Жутко и интересно...

Жилой фонд в те годы был сплошь деревянный и, в большинстве, одноэтажный. Двухэтажные дома по улице Донского были шагом вперед в поселковой архитектуре.

Административные и производственные здания были частью деревянные, частью каменные – кирпичные или бетонные. Над всем возвышались строения шахты и обогатительной фабрики. Заметным строением была парикмахерская, сложенная из камня церкви, разобранной на одном из приисков.

Телевидения не было. Но первые попытки уже делались. На сопке, около стадиона, стоял домик с высокой антенной и принималась черно-белая картинка отвратительного качества. Занимался этим наш сосед Тюшников.

Из спортивных дисциплин процветали лыжи. В район приезжали тренироваться члены сборных Красноярского края и других регионов СССР. В школе были свои чемпионы лыжни, кто уже в юном возрасте участвовали в гонках да 10, 15 и 30 км. В начале семидесятых на одной из просек у поселка начали кататься на горных лыжах.

Играли в хоккей и футбол. Хоккейные площадки заливали водой. Лед был неважного качества, с намерзшим сверху снегом. Проводились соревнования детских команд на приз «Кожаный мяч». В школьном спортзале нас хорошо обучали баскетболу. Среди моих сверстников выделялся Илья Фахрутдинов, ему легко давались все игровые виды спорта.

На сопке за пилорамой была рукотворная поляна, отвоеванная у тайги — место футбольных баталий ребятни с улицы Шевченко. Чуть выше, на верхушке горы, был «крестик», геодезическая вышка. Туда по весне, чуть только появлялись первые проталины, мы пробивались сквозь снег, разводили костер и жарили колбасу на прутьях. В жизни не ел ничего вкуснее! Вдаль уходили синие сопки. И будущее представлялось так далеко и ясно...

Я рос ребенком мечтательным и не очень физически крепким. Однажды меня сбили с ног и несильно попинали несколько подвыпивших ребят-старшеклассников. Просто так, для забавы. Они продолжили свой молодецкий рейд, нарвались на милицию, был суд, я выступал как потерпевший... в общем, роль моя была довольно жалкой. Самолюбие пятиклассника было сильно задето. Я пошел в секцию бокса, стал участвовать в соревнованиях. Дома висела боксерская груша, которую я обрабатывал до потери пульса. А с обидчиками я потом разобрался. По одному.

С соревнованиями по боксу связано одно забавное воспоминание. Нас повезли в поселок Тея на товарищеский матч. Радужные хозяева (не мальчишки, конечно, а взрослые) пригласили обедать и предложили выпить... по рюмке водки для бодрости. Два своих боя я проиграл вчистую, и не я один. Нас это разозлило! Через неделю на сцене ДК «Металлург» я одолел своих недавних противников и стал чемпионом района по боксу.

Товарищи мои не отставали. В институте я займусь борьбой, стану кандидатом в мастера спорта по самбо и дзю-до, чемпионом института и МГС «Буревестник» по самбо.

IV

С каждым следующим классом уроки в школе становились все насыщеннее. Запомнились уроки Екатерины Петровны Тороповской, которая привила мне абсолютную грамотность по русскому языку. Любимой учительницей была Валентина Константиновна Бурнашова, наша математичка. С ней мы ездили на краевые олимпиады по физике, химии и математике, участвовали в олимпиадах школьников Восточной зоны СССР и привозили дипломы – Оля Косенко, Саша Шлюхин, другие ребята. Эти олимпиады были замечательным делом. Сначала надо было участвовать в школьном и районном турах и попасть там хотя бы в тройку призеров, обеспечив себе место в сборной района. Потом группа счастливых выезжала в Красноярск вместе с учителем, останавливалась в студенческом общежитии. Начинались незабываемые конкурсные дни, с их треволнениями, особой обстановкой, строгим жюри. Олимпиада по химии, например, проходила в два тура, сначала были теоретические задания, а потом, на следующий день, лабораторная работа в химической лаборатории Красноярского университета. Все это закаляло, раздвигало горизонт, повышало чувство уверенности в себе. Поступить в Бауманку я приеду с рекомендациями академика Лаврентьева, президента Сибирского отделения АН СССР, в вузы математического, физического, химического профиля. Однажды, вернувшись из Красноярска, я из стеснительности не рассказал в классе подробности олимпиады, а ребята посчитали, что зазнался...

Я был тайно влюблен в Наталью Александровну Федотову, нынешнего директора средней школы №1, молодую тогда учительницу, необыкновенную, одухотворенную, живую и веселую. Это было очень светлое чувство. Тайно ревновал ее к мужу, когда она ходила беременная. Душа подростка – дело тонкое!

В девятом классе мы дружно решили поехать летом в Киргизию, на озеро Иссык-Куль. Всем классом. Родители поддержали наше начинание, но порекомендовали заработать денег на поездку. В качестве средства для заработка нам предложили строительный объект. Это была пристройка к одному из корпусов шахты. Опалубку делали строители, а готовили и заливали бетон мы, школьники. Работали на морозе. Однажды кто-то из ребят принес бутылку водки и сунул в снег. Пока работали, она превратилась в шугу, смесь жидкости со льдом. Так и съели ее после работы...

Заработок получился невеликий, но родители добавили. Поездка получилась незабываемая: Красноярск – Фрунзе (ныне Бишкек) – две турбазы и город Пржевальск на Иссык-Куле, экскурсия в горы. Я привез человеческий череп: озеро когда-то затопило

древний город и кладбище, а шторм поставлял останки на песчаный берег, словно напоминая живым о бренности сего мира.

Мы не были оторваны от культуры, чему способствовали библиотеки, система подписок печатных изданий. Когда в 1975 году родители переезжали «на материк», из девяти ящиков нажитого имущества семь (!) были заполнены книгами. Любовь к книге характерна для их поколения. Мой тесть, например, собрал в квартире библиотеку из двух с половиной тысяч томов.

Мы часто ходили в кино. На всю жизнь запомнил я глубокое впечатление от польского фильма «Пан Володыевский». Всей своей детской душой я переживал историю любви и гибели главных героев...

Была поставлена художественная самодеятельность, к коей привлекались взрослые и дети. Для танца с саблями Арама Хачатуряна мы самостоятельно вырезали деревянные сабельки. Художественная практика развивала вкус, умение войти в образ. Для моего школьного товарища Василия Трифонова из участия в самодеятельности выросла вторая профессия – певца, лирического тенора (и, право, жаль, что не первая!).

Северные отпуска родителей были длинными, а зарплаты – достойными. Раз в два года семья выезжала почти на все лето. Мы успевали проехать всю страну. Широкое, пространственное, образное знание Родины, полученное мною в детстве, очень помогает мне – и в творчестве, и в тяжелые периоды моей жизни.

Подготовка в Северо-Енисейской средней школе была добротной. Благодаря своим учителям, участию в олимпиадах, учебе в заочной физматшколе при МФТИ, я не чувствовал себя подготовленным хуже, чем москвичи, когда приступил к учебе в МВТУ. В те годы подготовка ребят, приехавших учиться в Москву из разных уголков СССР, была довольно ровной. Иногородние, как правило, подходили к учебе ответственнее и учились лучше москвичей. Ведь им надо было полагаться только на свои силы!

Но все это было впереди, а пока нас ждали выпускные экзамены и выпускной бал. Неизвестно, кто больше волновался – я или родители. Мама готовилась к выпускной поре комплексно. По весне в нашем хозяйстве завелись молодые петушки, которые, с началом экзаменов, один за другим, попадали в суп. Мозг ребенка надо было усиленно питать!

Я часами пролеживал на крыше сарая, штудирюя учебники. То ли свежее летнее солнце (в июне в наших краях все-таки не пляжная обстановка), то ли килограммы шоколадных конфет сыграли со мной злую шутку. Кожа по всему телу вдруг покраснела, покрылась сыпью с пузырьками, страшный зуд не давал мне покоя. Я заворачивался в мокрую простыню, но продолжал готовиться. Длилось это несколько дней и, видимо,

пришлось на один из экзаменов. Думали, что это аллергия. Теперь мне кажется, что это была обыкновенная ветрянка.

Наступил торжественный день вручения аттестатов зрелости. Я получил похвальную грамоту за особые успехи в изучении литературы, алгебры, геометрии, физики, химии, истории. И, одним из четырех выпускников, получил золотой значок ГТО.

Директор школы Михаил Гоев сказал, обращаясь к десятиклассникам:

- В 2000-м году вам, ребята, будет всего сорок четыре. Вы в расцвете лет встретите XXI век.

Каким страшно далеким казалось нам это время!.. На балу девочки были ослепительно хороши. Мы танцевали и гуляли по поселку до рассвета.

Помню утро выпускного бала.

Наш учитель, глядя на восход,

Вдруг сказал: «У вас одно начало,

Но различным будет ваш полет...»

После короткого отдыха подхватились классом в тайгу. Колобродили в лесу весь остаток первого дня нашей взрослой жизни, провели ночь с гитарой у костра. Один из товарищей увез меня на мотоцикле в поселок, и днем я с отцом уже улетаю через Красноярск в Москву – поступать в МВТУ, чтобы стать космонавтом! Летать в космос, как Гагарин. Открывать дверь в неведомое, как Леонов. Отдать, если потребуется, жизнь за прогресс, как Комаров, Добровольский, Волков и Пацаев. Все начинают с юношеского максимализма. Это была ранняя степень развития моей Мечты.